

Вера КОТЕЛЕВСКАЯ

МУЖСКОЕ – ЖЕНСКОЕ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

Мюллер, Герта. Как даме жить в пучке волос / Пер. с нем. А. Прокопьева. – **Ozolnieki: Literature without Borders, 2018. – 201 lpp. – (Поэзия без границ).**

Мюллер, Герта. Бледные господа с чашечкой кофе в руках / Пер. с нем. Б. Шапиро. – **Ozolnieki: Literature without Borders, 2018. – 216 lpp. – (Поэзия без границ).**

У билингвальных изданий поэзии есть противники и сторонники, однако в случае с книгами Герты Мюллер, составленными из стихотворений-коллажей, без оригинала явно не обойтись. Два тома, условно о «дамах» (2000) и «господах» (2005), вышедших в русских переводах Алеши Прокопьева и Бориса Шапиро, – явная издательская удача. Возможность и прочесть, и, главное, рассмотреть немецкие тексты, маскирующиеся под аппликации из газетных и журнальных букв, обрезков фотоиллюстраций и рисунков, одним словом, соприкоснуться с артефактом, в котором графическое и словесное вступили в сговор, дает важный ключ к пониманию этого сговора. Невольный эффект сглаженности от классического типографского текста, стихотворения в столбик на правой стороне книжного разворота, тут же ломается: на левой стороне покачивается долька арбуза, разноцветные и разнокалиберные буквы прыгают по строчкам, диван едва держится на приклеенных вместо ножек человеческих кистях. Дадаистская детскость мюллеровских поделок – как раз в веселости и ужасе, без которых взрослой «даме», стянувшей волосы в пучок, не вспомнить и не рассказать ни про «двенадцать пальцев» на маминых ногах, увиденных ребенком под столом, ни про то, что «за деревьями солдаты а войны-то нету / скушно и тошно у бетономешалок» («Как даме жить в пучке волос»). Невинных слов не осталось. Чтобы описать сад детства, к которому снова и снова возвращается память Герты Мюллер, слова приходится брать у политиков, рекламщиков, у *читателей газет*, наконец, и оттого тексты пронизаны горьковатой самоиронией, стыдом, то и дело слышится смешок.

На золотом крыльце сидели «гробоноши птичники печники и плиточники». Книга «**Как даме жить в пучке волос**» подыгрывает жанру детской считалочки, складно ритмизируя и рифмуя воспоминания детства с напускной прохладцей взрослой героини, которой будто бы всё по плечу – любая боль, любая мерзость и – по соседству с ней – доживотного беспорочная радость. Здесь хороша игра масштабами: сердцебиенье улитки и товарные составы, папины усы и «плащ истории» метонимически, по законам сна и всеядного детского воображения, подогнаны друг к другу. Семантика кройки-и-шитья, стрижки, поливки, вообще семейно-домашней созидательной моторики прирастает механикой разрушения (откусывание, отламывание, разложение, раздавливание). Укрыться в остранинной вневременности детства невозможно (папа «на усах повесился и так / картиной смелой на стене висит»): детские мифы о зачатии и рождении, трапезы, погребение кошки под грушевым деревом и снятие мертвого электромонтера с проводов – все пронизано мотивами Истории. Частенько выпрыгивает из этой колоды «король», «правитель», зорко присматривающий за папой и мамой. Русский перевод довольно тонко передает прыгающую ритмику, от силлабо-тоники до свободного стиха, плотность образов, интонационную игру. Может быть, местами интерпретация чуть избыточна или «поэтична» (так, на с. 154-155 просто «бузина» становится «бузиною Гёльдерлина», как бы упреждая появление этого имени через несколько текстов; «лагерь» заменяется «гулагом», хотя со строчной сегодня читается уже как нарицательное; на с. 4-5 в строчке «in den Straßenbäumen saßen» появляются «трамваи», вероятно, по созвучию со «Straßenbahn»).

Книга «**Бледные господа с чашечкой кофе в руках**» (2005) в переводе Бориса Шапиро открывает нам ироничную Герту Мюллер: девочка из плодово-ягодного сада

родителей выросла и теперь наблюдает за видовым разнообразием мужского мира, чая порой спастись какой-нибудь детско-поэтической метаморфозой, *да, видно, нельзя никак*:

Мать превратилась в крапиву
отец превратился в тополь
вместо превращения сказал мне
один тип за ужином что любовь всегда
становится репейником рано или поздно
а я откуда знаю чем он стал
и как себя я упакую
охотно стала бы я пеной
на мундштуке кларнета
и бедными деньгами вора на рассвете
или голодным лаем собак
на нарисованный скелет на модной куртке

Стилистика здесь заметно иная: ритм сохранен, но силлабо-тоника исчезла, много бытовых деталей и реалий, констатирующая модальность сменила удивленно-обескураженные интонации «женской» книги. Штрихи резче, выражения жестче (например, «сердечная срань» / *Herzscheisse*), кругозор шире: политическое больше не маскируется за недоуменными метафорами, о нем говорится прямо, чаще с сарказмом:

тогда на прогулочном пароходе я сидела рядом
с одним недавно произведённым вице-адмиралом
мы разговорились он спросил меня вы за мир
я сказала конечно но не за всякий
он подмигнул и ухмыльнулся эдак тихо-тихо

Мир Герты Мюллер становится здесь фактурнее, овнешняется, обрастает микросюжетами. Читать «Бледных господ...» хочется медленнее, внимательнее, как хорошую прозу, в то время как первая книга дается на коротком дыхании.